

Дата в истории

Весьегонский комиссар. Григорий Терентьевич СТЕПАНОВ

В 2023 году отмечается 105 лет со дня установления Советской власти в Весьегонском уезде. Самый яркий след в становлении Советской власти в нашем крае оставил Григорий Терентьевич СТЕПАНОВ. Он был одаренный человек, талантливый организатор, скромный, исключительной честности руководитель.

Родился он в деревне Лихачево Весьегонского уезда (сейчас это Краснохолмский район) 23 января 1891 года. Окончил начальную школу (был первым учеником в классе), с малолетства батрачил, рос в нищете. Очень любил Григорий поездки с отцом в Весьегонск на Богоявленскую ярмарку.

В 1909 году, в девятнадцатилетнем возрасте, он уехал в поисках хлеба и правды в столицу, где ему помогли устроиться чернорабочим на завод односельчане-земляки. В Петербурге жилось тоже несладко: изнуряющий труд за гроши на заводе, ночевки в грязных углах, недоедание. Одно лишь только пришлось по душе — возможность читать, слушать лекции, встречаться с грамотными, знающими людьми. Григорий поступил на вечерние общеобразовательные курсы и, окончив их, сдав экстерном экзамены за учительскую семинарию, получил звание учителя начальных училищ. Продолжал работать на заводе. Новая работа привела рабочего-учителя к революционным интеллигентам, в марксистский кружок.

Перед призывом на военную службу Григорий Терентьевич возвратился на родину, в Лихачево, где женился на сельской учительнице. А вскоре, в 1912 году, Степанова призвали в армию, направив в Петербургскую конвойную команду. Служба в конвойной команде, частые поездки по стране. Он исколесил тысячи верст по России, встре-

чался с политическими заключенными в кандалах. Все это были яркими иллюстрациями к прочитанным книгам. Солдаты команды любили грамотного, рассудительного Терентьевича, который и письмо родным поможет написать, и толково объяснит, зачем и кому нужна эта кровопролитная война. Дослужился Степанов до унтер-офицерского чина, но нелегальную работу среди солдат не прекращал. Тяжелая царская служба стала для Григория новой серьезной школой жизни.

Когда началась Первая мировая война, Степанов служил сначала в авиационных парках в Петрограде, затем в Одессе. Здесь большевик, высланный из столицы, быстро завоевал доверие солдат. В 1917-ом Григорий Степанов вступил в ряды Коммунистической партии. Вел революционную работу в Одессе среди солдат гарнизона, был избран председателем революционного комитета авиапарка и членом ревкома Румынского фронта.

Встречи с земляками М.И. Калининым и Я.М. Свердловым определили его дальнейшую судьбу: ему посоветовали ехать на родину и бороться там за утверждение Советской власти. В феврале 1918 года, после демобилизации из царской армии, он

возвратился на родину. В Весьегонске Григорий Терентьевич все себя отдал работе. Сначала он был казначеем исполкома, а 11 марта 1918 года Степанов избирается председателем уездного исполнительного комитета совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. А в июне этого же года его избирают председателем уездного комитета партии.

В июле 1918 года Г.Т. Степанов вместе А.И. Киселевым был делегатом 5-го Всероссийского съезда Советов. Много забот легло на плечи Степанова и членов исполкома.

В Весьегонске за годы войны было сильно разрушено городское хозяйство. Началась очистка города, тяжелым и голодным было лето 1918 года. Происходила реквизиция хлеба у зажиточных крестьян, передача голодающим. Было открыто 6 школ,

заработала художественная студия, народный театр, народный университет, начала издаваться первая в истории уезда газета.

В сентябре 1918 года началось строительство (!) первой в Советской России железной дороги Овинище — Суда, протяженностью в 110 верст. В городе был проведен телефон, построена электростанция, переоборудована типография, открыты мастерские по ремонту сельскохозяйственных орудий, введен в строй клеюквенно-экстрактивный завод, развернуто дорожное строительство.

Весьегонский исполком использовал все средства и силы на строительстве новой жизни для крестьян и рабочих: промышленники Ефремов, Логинов, Козлов, под угрозой конфискации имущества и ареста, были вынуждены налаживать местную промышленность. Степанов подбирал людей, формировал организации, ездил по волостям, открывал школы и клубы, заботился о детях-сиротах, выступал с докладами, сочинял инструкции, выполнял сотни других неотложных дел. Он быстро ориентировался в обстановке, умел распознавать и правильно использовать работников, обладал острым политическим чутьем. Он хорошо находил общий язык и с крестьянами, и с рабочими, и с интеллигентами.

Работал Григорий увлеченно, с огромным творческим подъемом. Бывший секретарь исполкома А.Н. Магунов вспоминал: «Весьма энергичный, инициативный. Трудолюбивый Г.Т. Степанов совершенно не щадил себя. Несмотря на то, что заседания исполкома затягивались чуть ли не до утра, он всегда в 7 часов утра был уже на ногах. Если дело требовало срочного выполнения, Степанов заходил прямо на квартиру к члену исполкома и давал там указания». В Весьегонске из уст в

уста передаются рассказы о необыкновенной скромности и кристальной честности Степанова. Этот опытный, авторитетный, образованный руководитель решительно ничем не хотел выделяться из среды рабочих и крестьян. Ходил он в простой одежде, питался скудно, ездил не в экипаже, а чаще всего верхом или на крестьянской телеге. Когда у председателя исполкома прохудились сапоги, он отнес их в починку. Один из работников исполкома предложил Степанову взять со склада из реквизированных вещей новые сапоги. Надо было видеть, как рассердился Григорий Терентьевич, как он отчитывал незадачливого советчика!

В один из самых голодных месяцев, ночью, на заседании председатель исполкома сморился от усталости и уснул. Дремота продолжалась недолго. Очнувшись и робко посмотрев на товарищей, Григорий Терентьевич очень смутился, попросил извинения. Один из членов исполкома сказал ему:

— Это от голода, тебе, товарищ Степанов, непременно поест надо. Так-то долго не протянешь, выйдешь из строя. Кто-то услужливо посоветовал ему взять хотя бы немного муки со склада.

Степанов возмутился: «Только попробуйте взять хотя бы кроху! Я вас велю тогда отдать под суд. Подумайте только, что вы говорите! Что скажут голодные люди, глядя на то, как комиссары едят этот хлеб?!»

Григорий Терентьевич как никто другой в уезде знал людей, видел, кто на что способен, обладал педагогическим даром открывать в товарищах хорошие качества. Вокруг него сплотился работоспособный, дружный коллектив работников, добросовестных, энергичных.

(Окончание на 8 стр.)

К 80-летию Курской битвы

(Продолжение. Начало в № 3-6)

А произошло то, что обычно происходит на войне. Немцы, ночью подтянув резервы, спешно укрепили на этом участке свою первую линию обороны. Рота старшего лейтенанта Вешнякова пыталась на узком участке прорваться, но получила мощный отпор, и командир батальона решил отказаться от дальнейших атак.

Почему же за небольшой клочок земли, который представляла занятая нами высота, так настойчиво дрались гитлеровцы? Дело в том, что, сосредоточив большие силы в районе города Ахтырка, они готовили контрнаступление на наши войска. Для этой цели и была выдвинута моторизованная дивизия «Великая Германия». Основной своей удар они нацелили на расположение 155-й и 166-й дивизий, а в центре направления удара как раз и находилась наша высота. Фашистское командование бросало крупные силы, чтобы выправить положение, уничтожить нас и сохранить тайне наличие новых частей, вышедших во второй эшелон обороны.

В штабе полка всю ночь ждали сигнала от разведгруппы Мисика. Комдив часто спрашивал о результатах вылазки разведчиков, но каждый раз ему докладывали, что пока сведения не поступали... Ночью наблюдали перестрелку в районе высоты, слышали автоматные и пулеметные очереди, следовательно, разведка вышла на боевое охранение противника и именно там проходит оборона второго эшелона.

Первую часть задания разведгруппа выполнила - дала ориентировку расположения второго эшелона. Оставалось узнать, что за части стоят там: способ-

ны они наступать или обороняться. Всю ночь наблюдатели ждали известий от разведгруппы Мисика, но там царил мертвая тишина.

Только в полдень заговорили пулеметы, затрещали автоматы. Командира дивизии срочно позвали к телефону. Звонили с наблюдательного пункта батальона:

- Товарищ полковник, высотку атакуют около роты немцев.

«Какие меры предпринял батальон? Оказывает ли он им поддержку живой силой?» - подумал комдив. - Нужно связаться с батальоном».

Комдив связался по телефону со штабом батальона.

- Какие меры предпринимаются для поддержки и связи с разведгруппой? - спросил он комбата капитана Зобачева.

- Товарищ полковник, к утру немцы ликвидировали проходы и сильно укрепили оборону первого эшелона. Попытки ее прорвать не удалась.

- Что же, группу отрезали?

- Получается так. - Наступать нужно большими силами - полком.

- Для большого наступления время еще не пришло. Продолжайте вести наблюдение. Для нас сейчас очень важно знать, что за части стоят там.

Комдива все сильнее и сильнее беспокоила судьба дивизии, которой предстояло идти в наступление на противника, о котором было мало что известно. Ни дивизионная, ни армейская разведка не имели достоверных сведений о противнике в полосе наступления. Всю надежду узнать более точные сведения о противнике комдив возлагал на разведку боем. Место расположения второго эшелона стало известно, но, что за части там стоят, оставалось загадкой. Он

понимал, что окруженной разведгруппе днем со связным переслать какие-либо сведения не представлялось возможным...

Утомленные за день бойцы отдыхали, в душе тая надежду, что вот уже и вечер подошел. Может, немцы и не будут атаковать, все обойдется, а темная ночь поможет им оторваться от противника и уйти к своим.

Но тишину нарушил отдаленный знакомый рокот немецких танков, доносившийся из-за подсолнухов, откуда они всегда и начинали атаку.

- Ну вот, опять, - устало сказал вдруг сержант Калинин, - третий раз прут, тихо, без артподготовки. Сквозь помутневшие стекла бинокля, я увидел, как широкой расчлененной цепью, пригнувшись, прикрываясь за темными бронированными машинами, изредка перебегая, крадутся немцы.

Гул моторов становился все сильнее, давил на уши. Тяжело встряхнув землю, вблизи траншеи стали рваться снаряды.

- К бою! - крикнул я. - Приготовить гранаты!

Сам вцепился в рукоятки пулемета и большими пальцами надавил гашетку. Возле дула затрещало рыжее пламя, пулемет затрясло, извиваясь и подпрыгивая, поползла в приемник патронная лента. Я вошел стволом из стороны в сторону, и светящиеся трассы коротких очередей веером металлись по зеленому полю.

- Экономить патроны! - крикнул я бойцам. - Стрелять короткими очередями!

Но бойцы как будто не расслышали, они били и били, раскаленной струей хлестали по наступающему противнику. Меня ни на минуту не оставляло

ощущение, что на нас катится страшная лавина, что она раздавит нашу реденькую цепь, затопчет и сметет всех в один момент...

А немцы все ближе и ближе. Они бежали на нас, прикрываясь массивными тупорылыми бронированными чудовищами, по травянистому полю. Танки на подходе разделились. Два развернулись на фланги, охватывая нашу оборону, а третий пошел к центру.

Кончались патроны, все меньше и меньше оставалось людей, способных стрелять. Все меньше и меньше оставалось надежды, что эту атаку нам удастся отбить. Назад, к жизни хода не было. Мысль о возможной смерти допускалась, а на самом деле в глубине не верила, противилась...

Патроны в пулемете кончились, теперь я бил по наступающим немцам из автомата, бил прицельно, короткими очередями, я видел как они падали, я убивал их.

- Патроны кончаются! - слышались крики обороняющихся.

- Гранаты к бою! - командовал я. Это был наш последний резерв, так как мы использовали в бою и немецкие гранаты, которые достались в наследство от предыдущих хозяев траншеи.

Вперемешку с мертвыми сидели в полужасыпанных окопах оглохшие, израненные люди, стрелявшие в набегавшие серые фигуры немцев. У них уже не было ни страха, ни злости, оставалось сознание бить и бить врага, чтобы одолеть смерть, даже ценой жизни. Каждый из них знал: решается его судьба - жить или не жить, и каждый был готов на все.

(Продолжение следует)

Весьегонская жизнь